

ПОЭЗИЯ ДОБРЫХ ЧУВСТВ

Его били, жгли, топили, жомали ему руки, глушили дубиной, запихивали в мешок и швыряли на камень, пилили и кололи, — чего только с ним не проделывали, — но он неизменно выкарабкивался из всех передат, подвергая своих беззастенчивых мучителей ответным издевательствам, не менее искусным и жестоким! С волками жить — по-волчьи выть!..

«Жестокие у нас нравы, сударь! — мог с подлинным основанием пропикать изумленному потомку старый народный Петрушка — он же Полишинель, Понч, Гансвурст, Каратэз и т. д. и т. п. (сколько народов — столько имен!), луженый и дубленный всей этой жестокой жизнью и с каким-то смаком и азартом отплачивавший ударом за удар, издечкой за издевку. Он выходил победителем, и мы радуемся этому, быть может так же, как радовались некогда буйный ярмарочный зритель. Но самый нафос безраздельного глумления сильнее над слабым, излого над простодушным, умного над глупым, — а этим пронизано большинство старинных петрушечных сценариев! — нам бесконечно враждебен и чужд».

Сейчас старый горбатый Петрушка греет свои доты на покое, заняв почетный угол в Музее кукольного театра. Новые куклы пришли ему на смену. Новый театр вырос на пепелище балагана. Новые чувства и мысли одухотворяют творчество советских кукольников.

Подводя итоги смотра ленинградских театров, «Правда» напечатала характерные заметки С. Образцова, озаглавленные — «О добрых чувствах». Образцов писал о высшей радости, которую несет искусство, воспевая красоту и силу подлинного героя, человека, человечности, любви: «Вера в человека и есть самое важное, отличительное для советского искусства». Советский кукольный театр — равноправный член в семье искусств нашей родины — несет в своих лучших образцах эту отличительную черту передового гуманистического искусства, повесть добрых чувств.

Находя своих героев в сокровищнице мирового народного творчества, неустанно пробывая силы в создании новых сказочных образов, Центральный театр кукол и в таких общепризнанных постановках, как «По щучьему веленью», «Большой Иван», «Кот в сапогах», и в новых — «Черная тайга», «В. Шварца», «Лампа Аладина» Н. Гернета — неустанно слышит добрые чувства, удачно воет и поэна-

нию драгоценной силы правды, мужества, дружбы, заражает любовью к человеку, к жизни, к труду, ненавистью и презрением ко всему, что скрывает, обедняет, оскорбляет человека, его достоинство, его права и обязанности. Эта «пропаганда добрых чувств» бесконечно далека от пошлого и канжеского морализирования.

За минувшие годы Образцов сумел сплотить и вооружить превосходный коллектив энтузиастов своего искусства, отлично знающих ремесло, пылливо ищущих за кукольной ширмой новые, неизведанные земли. Это коллектив выдумщиков и фантазеров, талантливых актеров, художников, режиссеров, в руках которых кукла живет настоящей «человеческой» жизнью.

Последняя постановка образцового театра — «Лампа Аладина» — черпает образы в одном из самых великодушных памятников фольклора — книге сказок Шехеразады. «Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отделиться «чужава» сладких вымыслов», выражают бытовую силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов. Это сложное тканье родилось в глубокой древности, разноцветные шелковые нити его простерлись по всей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты...», — писал Горький в предисловии к «Сказкам тысячи и одной ночи».

Смотря образцовский спектакль, пропитанный вот этим чувством восхищения буйной силой цветистой фантазии, красотой красок и, можно утверждать, красотой чувств героев, людей горячего сердца и честного разума, побеждающих все козни «темных сил». И чудесная царевна Будур в превосходном исполнении артистки Е. Синельниковой и ее волюбленного, отраженного, прямодушного Аладина (артист Е. Сперанский) — героичны не только по драматургическому положению. Режиссура и актеры Центрального театра кукол владеют тонким искусством жить на сцене, то-бишь на широке, чувствами героя, одухотворять каждую интонацию, жест, перы, движение куклы проникновенным во внутренний мир образа. Талант и вкус художника (В. Тузлукон), одевшего сказку об Аладине празднично и изящно, помогли найти стилизные, «з меру» волшебные, и в то же время характерные облики героев.

Хорошее чувство стиля, понуждающее театр искать для каждой пьесы краски

и приемы, рожденные как бы специально для нее, привели за ширму этой постановки необычных по виду исполнителей — близких родичей яванских кукол («на тростях»), движения которых плавны и медлительны, жест широк и выразителен. Такие куклы как пальца более «к лицу» восточной лирико-героической сказке.

Красота спектакля далека от приторной слащавости и бомбоперочной зализанности квази-восточного стиля. Зритель восхищается, когда на его глазах вырастает действительно прекрасный золотой дворец, или когда за окнами дворцового зала стремительно проносится великолепная кавальерия статных охотников на чудесных арабских скакунах (Образцов отказывается от шаблонного звукового аффекта — общезвестного «цокают копыта», бесшумный пролет всадников как-то особенно воздушен, легок, сказочен). Эффектен поединок Аладина с коварным визирем, когда в пылу боя начинают лететь искры со скрепящихся сабель (предусмотрительно «электрифицированных»).

Прекрасен танец царевны Будур под мерный аккомпанемент бубна. В этом трепетном, нежном танце ощущаешь живую Будур, ее простую душу, ее светлую любовь.

Нежное и мужественное сочетается в спектакле с забавным, волшебное переплетается с «глубоко-житейским», с характерностью острых бытовых деталей. Увлечательны моменты чистой феерии, когда из лампы, в таинственной тьме, поблескивая светящимися красками, начинается появляться (точнее — испаряться) волшебный дух Джина. Театр не может, однако, удовлетвориться одним «голым» феерическим эффектом — и как ни немногословна роль Джина, исполнителем арт. В. Рубан с таким хладнокровным умом проносит зазубренный Джинном текст присяги, что зритель сразу проникается унылой психологией исполнителя «чуждеца».

Образцова не устраивает безличное, бездифференцированное прозвучание какого-либо персонажа в спектакле, хотя бы роль была явно проходной, служебной. Будь то человек или животное, проходящий на сцене или воин в свите, он приобретает имя, отчество, фамилию, вы узнаете и запомните его по мастерски подвученной и переданной типичной черточке характера.

Пустыня... Жалкий оазис у источника. Медленно прокладывая путь через ку-

старник, раздвигая мордой листву, по-является лев. Он ленивым, заспанным, ничего не выражающим взором разглядывает зрителей — видно, недавно плотно закусил и методично переваривает пищу. Он неторопливо пьет из источника, равнодушно нюхает воздух, меланхолично зеваает и уходит восвояси. От такого привлекательного льва «пустыня» сразу же приобретает удивительно «обжитой», доверенный характер..

В спектакле занята лишь небольшая часть коллектива, вырвавшегося таких мастеров, как актеры Сперанский, Самосуд, Успенская, Воскобойникова, Синельникова, Росфельд, Дебольский, художники Терехова, Тузлукон, Солнцева, Гвоздева и др. Будур — Е. Синельникова, гадальщица — В. Майзель, визирь — П. Малисаров, мать — Е. Успенская, султан — В. Рубан, десятки других персонажей, исполняемых «по совместительству» все той же актерской бригадой, составляют подлинный ансамбль, оплоченный единым творческим устремлением. Роль Аладина играет «старейшина» театра, обаятельный шарманщик в «Каптане», напористый, лукавый «Кот в сапогах». Успех Е. Сперанского в новом амплуа станет еще более значительным, если актер преодолеет любовные напевности интонаций, плавность жеста, нет-нет да и проскальзывающее в его игре. Текст сказки хорошо инсценирован Н. Гернетом.

Наименее удалась театру сцена, которая, казалось бы, давала наибольший простор для фантазирования, — эпизод проникновения Аладина в пещеру чудесных сокровищ: и сами чудеса тут заурядны, и не ощущаешь всех чудовищных опасностей, коварных препятствий, которые пришлось преодолеть мужественному Аладину. Надо думать, что театр не успокоится на достигнутом и продолжит самостоятельные «поиски пещеры».

...Давно ли это было, когда, впервые очутившись в кукольном театре, савоужный зритель умиленно восклицал руками:

— Подумать только: движутся как люди!

Времена меняются. И нынче тот же зритель, находясь под обаянием большого, ясного и умного искусства образцовских кукол, смотрит — и начнет пощечать этого постановщика какого-либо серого «человечьего» спектакля:

— Больше жизни! Играйте как куклы... Живите как куклы!

Сим. ДРЕЙДЕН